

DIALOGUES WITH POWER: COMMUNICATIVE STRATEGIES

DOI 10.15826/qr.2020.1.454
УДК 94(470)+394.43+316.344.42

ИНОРОДЦЫ НА ЦАРСКИХ КОРОНАЦИЯХ: ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В РИТУАЛЬНОМ ВОПЛОЩЕНИИ*

Вадим Трепавлов

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

NON-RUSSIANS AT ROYAL CORONATIONS: THE ETHNIC POLITICS OF THE EMPIRE IN CEREMONIES

Vadim Trepavlov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This article considers the participation of representatives of the non-Slavic population of the Russian Empire in the coronation ceremony of the monarch. The author of the article refers both to published and archival sources from the funds of the Russian State Historical Archive and the Russian State Archive of Ancient Acts. On the basis of these documents, it is demonstrated how “alien” deputations were compiled for participation in the “sacred coronation” ceremony; how officials in the centre and periphery selected deputies who they thought were worthy; in which capacity they attended the ceremony; and what value it had for the internal policy of the state. The cooperation with the elites of the peoples that made up the Russian Empire was one of the leading principles of ethnic politics. An important means of involving ethnic elites (as well as the non-Slavic population in general) in the life of the state and implementing government policies was to form a cult

* *Citation:* Trepavlov, V. (2020). *Non-Russians at Royal Coronations: The Ethnic Politics of the Empire in Ceremonies*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 164–175. DOI 10.15826/qr.2020.1.454.

Цитирование: Трепавлов В. *Иногородцы на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 164–175. DOI 10.15826/qr.2020.1.454.

of the Russian monarch. The convocation of multiethnic masses in the Kremlin and other Moscow celebrations not only marked the national diversity of Russia but was also meant to demonstrate the unity of all its inhabitants around the new autocrat. The research methodology is based on the analysis of the symbolic capital of supreme power. The article reveals how it was maintained and supported in the eyes of different ethnic subjects. Participation in a series of coronation rituals was also important for the non-Russian subjects themselves. It was an opportunity to represent one's people. Gradually, an algorithm was developed for the selection of people invited to the celebration. Representatives of the ethnic elite, aristocracy, and highest clergy were seen as the most desirable, although by the end of the nineteenth century, it was considered reasonable to invite commoners. The participation of representatives of the country's peoples in the ceremony of enthronement was an important element of imperial ethnic policy.

Keywords: Russian Empire; rituals; coronation; ethnic policy; ethnic elites; representation.

Рассматривается привлечение представителей неславянского населения Российской империи к участию в торжественной церемонии коронации монарха. Используются опубликованные и архивные источники из фондов РГИА и РГАДА. На основании документов показано, каким образом составлялись «иногородские» депутации для участия в церемонии «священного коронования», как чиновники в центре и на местах отбирали достойных, по их мнению, членов депутатий, в каком качестве они присутствовали на этой церемонии, какое значение это имело для внутренней политики государства. Сотрудничество с элитами народов, включенных в состав Российской империи, составляло один из ведущих принципов этнической политики. Важным средством вовлечения этнических элит (как и неславянского населения в целом) в участие в жизни государства, в осуществление правительственной политики было формирование культа российского монарха. Собрание разноэтничной массы в Кремле и прочих московских пунктах торжеств знаменовало не только многообразие национального состава России, но было направлено на демонстрацию единения всех ее жителей вокруг самодержца. Методология исследования основана на анализе феномена символического капитала верховной власти. В нем выясняется, каким образом он сохранялся и поддерживался в глазах разноэтничных подданных. Участие в череде коронационных ритуалов было важно и для самих подданных-«иногородцев». Это давало возможность репрезентовать свой народ. Постепенно вырабатывался алгоритм подбора людей, приглашаемых на торжество. Наиболее желательными виделись представители этнической элиты – аристократии и высшего духовенства, хотя к концу XIX в. власти сочли разумным приглашать и простолюдинов. Участие представителей российских народов в царской интронизации представляло собой важный элемент имперской этнической политики.

Ключевые слова: Российская империя; ритуалы; коронация; этническая политика; этнические элиты; репрезентация.

Знаково-символическое проявление межэтнических отношений на уровне «правитель – подданные» в области русистики чаще всего раскрывается через участие «иностранцев» в придворных церемониях. Ведущим является исследование Ричарда Уортмана «Сценарии власти», посвященное церемониалу российского императорского двора, в котором содержится описание привлечения представителей российских народов к обряду царской коронации [Уортман, 2004а, т. 1, с. 409–426]. Труд привлекает в том числе семиотическим подходом автора к освещению темы с использованием базовых категорий мифа и ритуала, раскрытием понятия «сценарии власти» как «индивидуальных способов презентации императорского мифа» [Там же, с. 22]. Автор попытался выявить культурный код самодержавия, в котором ритуальная, знаковая составляющая порой преобладала над реальными политическими действиями.

По мнению Уортмана, присутствие «иностранческих» депутатов на коронациях XIX в. знаменовало изменения в трактовке сущности империи¹. При коронации Николая I 1826 г. классическая модель многонациональной элиты, служащей монарху в управлении полиэтничным населением, начала заменяться европейской моделью государства, которая представляет нацию, господствующую над подвластными народами. Коронация Александра II 1856 г. явила следующий этап развития модели национальной империи, когда «отдельные народности как бы сливаются в мифический образ нации, бесконечно любящей своего суверена, что объявляется уникальной особенностью России». При встрече императорского кортежа на въезде в Москву впервые были представлены азиатские народы. Россию как «колониальную державу» отобразила церемония коронации Александра III 1883 г.; русские трактовались как господствующая народность, светоч цивилизации в сравнении с отсталыми азиатами [Уортман, 2004б, с. 414–426]. Эти наблюдения американского автора в целом адекватно описывают диалектику российской имперской концепции по отношению к «экзотическим народам» (термин Уортмана).

Блеск и пышность интронизации имели целью в том числе поразить очевидцев из неславянских регионов. «Какое воспоминание о могуществе и величии России унесут эти люди с собою к своим дальним племенам!» – так отозвался о присутствии восточных депутатов на коронации Александра II корреспондент британской газеты *The Times of London* [цит. по: Уортман, 2004а, т. 2, с. 60]. Предводители туркмен, побывавшие на коронации 1883 г., были

¹ Наиболее общими и частыми обозначениями нерусского и при этом неправославного населения в России служили понятия «иноземцы», «иноверцы», «иностранцы». В XIX в. самым распространенным был термин «иностранцы». С введением «Устава о сибирских иностранцах» 1822 г. он стал общеупотребительным, вытеснив прочие наименования. К началу XX в. он уже был близок к тому, чтобы охватить все народы империи, кроме восточных славян.

настолько ошеломлены всем увиденным, что по возвращении на родину убедили соплеменников прекратить сопротивление русским войскам и согласиться войти в состав России [Там же]. Знатоки истории, обычаев и психологии кочевых подданных империи, управляющий Областью оренбургских казаков В. В. Григорьев в 1856 г. писал оренбургскому и самарскому губернатору В. А. Перовскому о целесообразности отправления в первопрестольную столицу казахов:

Эта мера в десять раз будет действительнее для внушения ордынцам расположения и уважения к России, чем десять военных экспедиций и всевозможных циркуляров комиссий [цит. по: Сухих, с. 150].

Собрание разноэтничной массы в Кремле и прочих московских пунктах торжеств знаменовало не только многообразие национального состава государства, но и должно было продемонстрировать единение всех его жителей вокруг нового самодержца, без различия языков и религий. Еще до активного привлечения неславян к этим церемониям, в XVIII в., Екатерину II в предместье Москвы встречал новгородский архиерей со словами: «Возведи, Благодетельнейшая, окрест очи свои и виждь: се бо приидоша к тебе чада твоя от востока и запада, севера и юга» [Описание вшествия, с. 6]. Вовлечение в ритуальное действие подданных со всех сторон света иллюстрировало обширное пространство власти новой правительницы.

Участие депутатов от народов в коронационных мероприятиях XVIII в. ограничивалось стоянием на окол Кремлевских площадях и в проездах во время проведения сакральных ритуалов в Кремле и принесением поздравлений на аудиенциях, которые давались в один из следующих дней после обряда коронации в Успенском соборе. При самом обряде допускалось присутствие малороссийской старшины и немецкого купечества прибалтийских провинций [см.: Обстоятельное описание, 1744, с. 40, 41, 53, 54, 203–205; Обстоятельное описание, [б. г.], с. 48, 59–61; Описание коронации, с. 8]. На коронации Павла I в 1797 г., наряду с представителями остзейских фабрикантов, купцов и заводчиков, допустили шестерых татарских музр из недавно присоединенного Крыма (Таврической губернии) [РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414. Л. 38–40]. У Николая I приглашение в собор представителей регионов (кроме донских казаков) при главных коронационных ритуалах вообще не предусматривалось [РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 241. Л. 4; Д. 242. Л. 5].

Постепенно вырабатывался алгоритм подбора людей, приглашаемых на торжество. Наиболее желательными виделись представители этнической элиты – аристократии и высшего духовенства, хотя со временем, к концу XIX в., сочли разумным видеть среди ликующих зрителей и лиц «подлого сословия». На местах разрабатывались критерии отбора депутатов, составлялись

и переделывались их списки. В преддверии коронации Николая I кавказский командующий А. П. Ермолов прислал такой список в Генеральный штаб. Из лояльных к тому времени областей Северного и Южного Кавказа были отобраны достойные люди с обоснованием их кандидатур. Указывались на знатное происхождение, существенные биографические обстоятельства, заслуги перед Россией; в некоторых случаях генерал добавлял ходатайство о поощрении («достойн быть обласканным», «заслуживает особого внимания», «достойн особенного внимания и благоволения императора», «благоволение к нему императора будет ободрением прочих верных» и т. п.) [Акты, с. 91, 92]. При подготовке к коронации Александра III министр внутренних дел специально передавал ходатайство о приглашении от «грузинского дворянства, всегда отличавшегося непоколебимую преданностью своим государям и оказавшего важные услуги правительству» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 366. Л. 22]. В целом от этого беспокойного края приглашались лица «высшего сословия», «бекского сословия» и немногие избранные сельские старшины [Там же. Д. 404. Л. 18, 69; Д. 501. Л. 88–115].

Тот же принцип действовал в отношении Средней Азии, но там еще добавлялись правители ханств-протекторатов со свитами. В конце истории царской России в составе туркестанской депутации появился один волостной управитель от недавно присоединенного Памира [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 502. Л. 116]. Что касается казахских претендентов на включение в депутацию, то характеристики на них с описанием служебной деятельности, перечислением правительственных наград и «заслуг правительству» тоже посылались в центр [Там же. Д. 369. Л. 7, 7 об.]. Депутатами от сословий (рыцарства, духовенства, горожан и крестьян) была представлена Финляндия [Там же. Л. 143 об.].

От последней императорской коронации 1896 г. сохранился большой массив документов. Из них следует, что состав приглашавшихся «иностранцев» регулировался военным министерством. Министр П. С. Ванновский детально расписывал в реляциях, адресованных министру двора, представители от каких народов, какого социального положения и в каком количестве должны прибыть в Москву. В частности, указывалось, что от Средней Азии и Кавказа таковых должно быть 40 чел.; бухарцам и хивинцам следовало отвести 11 мест на самой почетной трибуне, остальным – на менее почетной; в распоряжениях генерала расписывался желательный порядок царских аудиенций после коронации [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 369. Л. 47, 47 об., 108].

Задолго до начала московских мероприятий бюрократическая машина наращивала обороты. Между Петербургом и центрами губерний и областей непрерывно шла переписка. Проблема состояла не только в подборе достойных участников, но и в расходах на их содержание. Казна брала на себя эти расходы, резонно представляя

их как «знак монаршего внимания». Для этого Министерство двора испрашивало специальный кредит у министра финансов. Деньги требовались на найм квартир, печатание приглашений и пропускных билетов, гужевого транспорт для доставления депутатов на репетиции коронации и на саму церемонию. В отношении казахов и калмыков ставилось условие выдвигать наиболее почетных лиц (на усмотрение губернаторов), желательно владевших русским языком – чтобы не тратиться на переводчиков [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 369. Л. 3–4 об., 13 об., 20, 20 об.; д. 498. Л. 36, 36 об²]. Один из казахских султанов назначался «заведывать всеми азиатскими депутациями» [Императорская Россия, с. 103]. В некоторых случаях требовалось дозволение самого императора, так, в марте 1896 г. министр двора получил у Николая II согласие на приезд трех раввинов [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 11; д. 500. Л. 74 об.]. Эти священнослужители попали в список приглашенных по разряду «духовных лиц иностранных вероисповеданий», в который, помимо иудеев, включались католические прелаты, главы протестантских общин, предстоятели армянской церкви, муфтии как главы мусульманских духовных управлений, верховные ламы калмыков и бурят [Там же. Д. 295. Л. 5, 5 об.; д. 404. Л. 28 об.].

Контроль над численностью и составом депутатий удавался не всегда. Когда представители от азиатских протекторатов прибыли на коронацию Николая II, выяснилось, что, кроме 28 «почтенных и уважаемых туземцев», определенных в состав депутатии краевым и областным начальством, в Москву самовольно явились еще 18 чел. В результате спешной переписки между Генеральным штабом и Экспедицией церемониальных дел было решено дать всем им возможность «лицезреть высокаторжественную церемонию священного коронования», присоединив к общей группе представителей сельского населения на Соборной площади Кремля [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 502. Л. 130]. Тогда же объявились несколько бурят и с ними тунгус, гольд и «русскоподданный» китаец, приехавшие сверх официального приглашения из Забайкалья и Приамурья, которые мечтали посмотреть на праздник. Поскольку таких «зайцев» все-таки обнаруживалось немного, чиновники Министерства внутренних дел решили допустить их к зрелищу, «принимая во внимание, что названные иногородцы прибыли издалека, понесли значительные издержки на переезд и проживание в Москве вследствие желания присутствовать на торжествах...» Было принято решение «о допущении их в особо отведенные места для представителей сельского населения на площадях Красной и Соборной, во время торжественного въезда и св. коронования» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 499. Л. 58, 59].

² Здесь составлен перечень московских адресов для поста духовных иерархов разных конфессий, прибывших на коронацию в 1896 г.

Переполюх в правительстве вызвало появление в Москве делегации от якутского казачества. Еще в 1822 г. из якутов был сформирован казачий полк. В нем состояли семь офицеров и 300 рядовых казаков, рассредоточенных по всему огромному Восточно-Сибирскому краю. К концу столетия из-за малочисленности полка, за дальностью расстояний и давностью лет об этой «инородческой» команде власти благополучно забыли. Когда же якутские казаки объявились на коронации Николая II, выяснилось, что никто в высоких инстанциях не подозревает об их существовании [Подпрятков, с. 42].

Императорскую кавалькаду при въезде в первопрестольную столицу при Александре III и Николае II открывали казаки личного конвоя, за ними ехали вассальные бухарский и хивинский падишахи со своими свитами, затем предводители дворянства, придворные и министры. Замыкали шествие кавказские, казахские и калмыцкие депутаты [Уортман, 2004а, т. 2, с. 275]. В знаменательный день «Священного Коронования» «инородцы» направлялись к Кремлю занимать предназначенные места. Считалось уместным наряжаться в традиционные костюмы, желательно воинские. Это отражало, во-первых, одну из официальных функций этих народов – стоять на страже империи, во-вторых, готовность служить государю. Бурятский лама отразил в поэме скопление многоплеменной публики:

...Во время проведения ритуала помазания на власть, словно пыль всей земли, собрались тысячи и расплескались гудящей толпой... Мне подумалось, что с этим возложившим лотосовые ступни на головы сотен миллионов двуногих, могущественнейшим и богатейшим среди великих монархов не сможет соперничать сам Махешвара³ [Цыремпилов, с. 70–71].

Именитые зрители, сверяясь с розданными заранее билетами, занимали места на трибунах и галереях, сооруженных на Соборной и Красной площадях, по обе стороны от памятника Минину и Пожарскому. Остальные, в том числе приближенные князья и нойонов, вместе с «сельскими предводителями» выстраивались вдоль пути шествия перед этими трибунами и в Кремле, между Успенским и Архангельским соборами. Министерство двора разрабатывало очередность расположения: у памятника – великорусские волостные старшины и гминные войты из Западного края, за ними, по направлению к Никольской улице – казачество, затем «представители иноплеменного населения Империи ведомства МВД», затем калмыки и депутаты от Средней Азии и Кавказа [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 25–33, 66, 67; Д. 499. Л. 15, 20, 20 об.].

Непосредственно к участию в коронации приглашенные этого разряда, как правило, не допускались. Присутствие малороссийского

³ Махешвара («Великий властитель») – одно из имен индуистского и буддийского божества Шивы.

гетмана Кирилла Разумовского в эскорте Екатерины II по пути в Успенский собор теоретически можно было бы отнести к категории этнических презентаций. Но, во-первых, украинцы в то время не выделялись из общерусского этнического массива; во-вторых, гетмана включили в шествие, вероятнее всего, благодаря не должности, а родству с влиятельнейшим вельможей Алексеем Разумовским – его старшим братом, которому было доверено нести корону. В XIX в. допускалось присутствие в соборе (но не участие в шествии) грузинских царевичей [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 366. Л. 97].

В последующие дни депутаты удостоивались аудиенций. Это были предельно формальные мероприятия с лстивыми поздравлениями монархам. На такие приемы допускались по очереди, после иностранных послов, представители народов, приехавших в Москву. Первыми из них в зал аудиенции (Грановитую, Золотую или Столовую палаты Кремля) приглашались вассальные правители или послы от них: в конце XVIII в. грузинские цари, через сто лет – бухарский эмир и хивинский хан. Кажется, только Павел I, тяготившийся долгими церемониями, повелел запустить в Грановитую палату на аудиенцию 9 апреля 1797 г. сразу всех:

...депутатов черноморских, уральских, донских, татарских, крымских, горских, персидских, бухарских, здешних: московских купцов и иностранных, а за оными купцов рижских, ревельских, выборгских, либавских... [Камер-фурьерский журнал, с. 54].

На прочих коронациях торжественный порядок общения с подданными выдерживался, и шли чередой, сменяя друг друга, малороссы и финны, лифляндцы и эстляндцы (немцы), татары и башкиры, калмыки и казахи, кавказские и сибирские «иногородцы».

Вернувшись домой, свидетели торжеств делились впечатлениями освоемпутешествии в Москву, расписывали великолепную постановку венчания на царство. Тем более что они располагали свидетельствами своего участия в коронационных церемониях, которое благоговейно описывалось потомками в семейных преданиях [см., например: Башкирские родословные, с. 231, 232]. В доме калмыцкого нойона Тюменя долго, уже после его смерти, висели на стене различные объявления о торжествах, пригласительные и пропусковые билеты, привезенные им с коронации Александра II [Победоносцев, Бабст, с. 344, 345]. Бурятского ламу Лубсан-Самдана Цыденова присутствие на коронации Николая II подвигло на создание поэмы под двойным названием – монгольским «Лечу по небу» и тибетским, которое само по себе напоминало стихотворение в прозе:

Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, царя

Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называемая «Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки» [Цыремпилов, с. 69].

Праздник интронизации проходил и в провинции. Газеты тех лет передавали известия о ликовании в городах и селениях. Конечно, инициатива по большей части исходила от местного чиновного начальства. В честь этого события по всей империи обязательно совершались богослужения. Они сопровождалась и вполне светскими официальными торжествами. Это происходило и в регионах с неславянским населением. Мусульмане Уфимской губернии праздновали воцарение Александра III в течение двух дней [Загидуллин, с. 193]. В слободе Нальчик это же событие отмечали три дня. Главным мероприятием стало торжественное собрание в окружной горской школе, куда были приглашены также воспитанницы местной бесплатной женской школы, военные и гражданские чины, представители слободского управления и «кабардинских и горских обществ, находившиеся в то время в Нальчике». Звучали речи, были проведены христианский и мусульманский молебны. После ухода детей устроили ужин, продлившийся до глубокой ночи. Молебнами, народными гуляниями, танцами и пиршествами отмечали эту важнейшую веху в жизни империи и в горных аулах [Из слободы, с. 3; Прасолов, с. 126].

Участие в череде ритуалов было важно для самих подданных-«инородцев». Это была возможность репрезентовать себя, свой народ, напомнить о нем. С особенной остротой и наглядностью подобные намерения проявлялись на рубеже XIX–XX вв., в период отчетливой этнической консолидации и национального подъема в регионах и господства лозунга общероссийского монолитного сплочения вокруг царя. Крымско-татарские интеллектуалы и духовные лица оживленно обсуждали, кому надлежит ехать на коронацию Николая II, «ведь этот представитель явится всенародно в Москве вывеской развития и правоспособности развития татарского народа к единению его с русской национальностью на празднике всей русской земли» [От редакции, с. 2].

Многообразие разноэтничных участников торжеств своей неизбежной натужной официозностью должно было демонстрировать преданность народов государю, обширность и разноплеменность Российской державы. Последним общеимперским празднеством такого масштаба перед мировой войной и революцией было 300-летие Дома Романовых.

Список литературы

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. / под ред. А. П. Берге. Тифлис : Тип. гл. управления Наместника Кавказского, 1874. Т. 6. Ч. 1. 1018 с.

Башкирские родословные / сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова ; науч. рук. Р. Г. Кузеев. Уфа : Китап, 2002. Вып. 1. 480 с.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань : Татар. книж. изд-во, 2007. 416 с.

Из слободы Нальчик // Терские ведомости. 1883. 4 июня. № 23. С. 3.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сб. материалов / сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 480 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Апрель – июнь. СПб. : Тип. гл. управления уделов, 1897. 502 с.

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ее августейшего императорского величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб. : Имп. акад. наук, 1744. 168 с.

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию, богоспасаемый град Москву, и священнейшего коронования ее августейшего величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всероссийской, матери и избавительницы отечества, еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября 1762 года. [Б. м.] : [Б. и., б. г.]. 313 с.

Описание коронации ее величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 года. М. : Сенат. тип., 1730. 74 с.

От редакции // Севастопольский листок. 1883. 24 апр. № 33. С. 2.

Победоносцев К. П., Бабст И. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М. : Тип. Грачева и комп., 1864. 578 с.

Подпрятков Н. В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. СПб. : Нестор, 2004. 332 с.

Прасолов Д. Н. Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи // *Вопр. истории.* 2014. № 9. С. 123–127.

РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 241, 242.

РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414; Ф. 473. Оп. 3. Д. 295, 366, 369, 404, 498, 499, 500, 501, 502.

Сухих О. Е. Империя напоказ, или Имперский опыт воспитания верноподданических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // *Азиатская Россия: люди и структуры империи* : сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 142–154.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004а. Т. 1. 608 с. Т. 2. 800 с.

Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // *Новая имперская история постсоветского пространства* / под ред. И. В. Герасимова и др. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004б. С. 409–426.

Цыремпилов Н. В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // *Восток.* 2007. № 6. С. 64–75.

References

Арапов, D. Yu. (Ed.). (2006). *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskii mir (konets XVIII – nachalo XX v.). Sbornik materialov* [Imperial Russia and the Muslim World (Late 18th – Early 20th Centuries). A Collection of Materials]. Moscow, Natalis. 480 p.

Berzhe, A. P. (1874). *Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei v 12 t.* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. 12 Vols.]. Tiflis, Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Vol. 6. Part 1. 1018 p.

Bulgakov, R. M., Nadergulov, M. Kh., Kuzeev, R. G. (Eds.). (2002). *Bashkirskie rodoslovnye* [Bashkir Genealogies]. Ufa, Kitap. Iss. 1. 480 p.

Iz slobody Nal'chik [From Nalchik Sloboda]. (1883). In *Terskie vedomosti*. June 4. No. 23, p. 3.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1797 goda. April' – iyun' [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1797. April – June]. (1897). St Petersburg, Tipografiya glavnogo upravleniya udelov. 502 p.

Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstvuyushchii grad Moskvu i svyashchennishego koronovaniya ee avgusteishego imperatorskogo velichestva vsepresvetleishei derzhavnishei velikoi gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy vserossiiskoi, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda [A Detailed Description of the Solemn Order of the Successful Entry into the Reigning City of Moscow and the Most Sacred Coronation of Her Majesty, the Most Distinguished Great Sovereign Empress Elizaveta Petrovna, Autocrat of All Russia, Dated 28 February, Crowning on 25 April 1742]. (1744). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 168 p.

Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v imperatorskuyu drevnyuyu rezidentsiyu, bogospasaemyi grad Moskvu, i svyashchennishego koronovaniya ee avgusteishego velichestva vsepresvetleishei derzhavnishei velikoi gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroi, samoderzhitsy vserossiiskoi, materi i izbavitel'nitsy otechestva, ezhe proiskhodilo vshestvie 13, koronovanie 22 sentyabrya 1762 goda [A Detailed Description of the Solemn Order of the Successful Entry into the Imperial Ancient Residence, the Prospering City of Moscow, and the Sacred Coronation of Her August Majesty, the Most Blessed Most Powerful Sovereign Empress Catherine the Second, All-Russian Autocrat, Mother and Deliverer of the Fatherland, Coronation on 22 September 1762]. (N. d.). S. 1., S. n. 313 p.

Opisaniye koronatsii ee velichestva imperatritsy i samoderzhitsy vserossiiskoi Anny Ioannovny torzhestvenno otravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve 28 aprelya 1730 goda [Description of the Coronation of Her Majesty Empress and Autocrat of All Russia Anna Ioannovna, Solemnly Carried out in the Reigning City of Moscow, on 28 April 1730]. (1730). Moscow, Senatskaya tipografiya. 74 p.

Ot redaktsii [From the Editors]. (1883). In *Sevastopol'skii listok*. April 24. No. 33, p. 2.

Pobedonostsev, K. P., Babst, I. (1864). *Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma* [Letters on the Journey of the Sovereign Heir Tsarevich in Russia from St Petersburg to Crimea]. Moscow, Tipografiya Gracheva i kompanii. 578 p.

Podpryatov, N. V. (2004). *Natsional'nye men'shinstva v russkoi armii v XVIII – nachale XX veka* [National Minorities in the Russian Army in the 18th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Nestor. 332 p.

Prasolov, D. N. (2004). Romanovy i problemy integratsii kabardinskogo obshchestva v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi imperii [The Romanovs and Integration Problems of Kabardian Society into the Socio-Cultural Space of the Russian Empire]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 123–127.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 156. List 1. Dos. 241, 242.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 469. List 2. Dos. 1414; Stock 473. List 3. Dos. 295, 366, 369, 404, 498, 499, 500, 501, 502.

Sukhikh, O. E. (2005). Imperiya napokaz, ili Imperskii opyt vospitaniya vernopoddanicheskikh chuvstv u kazakhskoi znati v XVIII–XIX vv. [The Empire is on Display, or the Imperial Experience of Educating Loyal Feelings among the Kazakh Nobility in the 18th–19th Centuries]. In Suvorova, N. G. (Ed.). *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh statei. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 142–154.

Tsyrempilov, N. V. (2007). Lubsan Samdan Tsydenov i ideya buddiiskoi teokratii v Zabaikal'e [Lubsan Samdan Tsydenov and the Idea of Buddhist Theocracy in Transbaikalia]. In *Vostok*. No. 6, pp. 64–75.

Wortman, R. (2004b). Simvolny imperii: ekzoticheskie narody v tseremonii koronatsii rossiiskikh imperatorov [Symbols of the Empire: Exotic Peoples at the Coronation Ceremony of Russian Emperors]. In Gerasimov, I. V., et al. (Eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan', Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 409–426.

Wortman, R. S. (2004a). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 608 p. Vol. 2. 800 p.

Zagidullin, I. K. (2007). *Islamskie instituty v Rossiiskoj imperii. Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic Institutions in the Russian Empire. Mosques in the European Part of Russia and Siberia]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 416 p.

The article was submitted on 03.09.2019